

Данилова Элина Викторовна
Самарский государственный технический университет
Danilova Elina
Samara State Technical University

АРХИТЕКТУРА ПРОСТОТЫ – АРХИТЕКТУРА БУДУЩЕГО? ARCHITECTURE OF SIMPLICITY - THE ARCHITECTURE OF THE FUTURE?

Статья посвящена «архитектуре простоты», архитектуре второго плана, которая долго оставалась в тени звездной архитектуры и которая, на первый взгляд, неожиданно начинает выходить на первый план на обложках влиятельных архитектурных изданий. Такое профессиональное уважение и внимание к «незатейливым» объектам и «негромким голосам» сигнализирует о том, что на небосклоне архитектуры яркость звезд сменяется серым туманным утром без резких контрастов. Что же станет очевидным тогда, когда утренняя дымка рассеется и можно будет увидеть очертания новой архитектуры нашей изменяющейся эпохи? Автор делает попытку предугадать по легким контурам простых форм возможное близкое будущее архитектуры.

The article considers the “architecture of simplicity”, the architecture of the second plan, which has long remained in the shadow of the star architecture, and which, at first glance, unexpectedly begins to come to the forefront of the influential architectural publications. Such professional respect and attention to the “unpretentious” objects and “quiet voices” indicate that the horizon of architectural brilliance of stars is replaced by the gray misty morning without sharp contrasts. What will become evident when the morning mist clears and you can see the outlines of a new architecture of our changing era? The author makes an attempt to predict the possible near future architecture on the basis of slight contours of simple shapes.

Ключевые слова: простота, минимализм в архитектуре, аскетизм, история, природа
Keywords: simplicity, minimalism in architecture, austerity, history, nature

Основной задачей архитектуры после модернизма была работа по преодолению примитивности, механистичности и стандартизации окружения – результата модернистского урбанистического развития, послевоенных разрушений и нового строительства. Сложность и противоречия провозглашались Робертом Вентури как необходимые средства лечения стерильной, лишенной идентичности среды, и инструменты создания архитектуры, наполненной значениями. Этот период был также во многом определен стремительно развивающимися процессами глобализации и урбанизации. Все вместе привело к появлению иконической архитектуры и звездного поколения архитекторов, что стало главными характеристиками архитектуры последних десятилетий. После мирового экономического кризиса 2008 г. началась новая эпоха. На смену идеологии тотального потребления, как главного стимула развития экономики, приходит идеология разумного сокращения и бережного отношения ко всем ресурсам – природным и человеческим. В новой посткризисной эпохе концепция успеха и успешности, долгое время царствующая в менталитете и бизнесе, становится несостоятельной. Кризис наглядно продемонстрировал не только печальные последствия всеобщего неконтролируемого

потребления, но и невозможность сохранения равновесия и гармонии человеческого общества в условиях постоянной конкуренции. Повсеместно – растущее социальное неравенство, сокращение возможностей и социальных лифтов.

Изменения экономического и политического характера находят свое отражение в изменениях архитектурного мышления и приоритетов. Эти изменения постепенно становятся все более очевидными в угасании внимания к звездной архитектуре, в появлении новой образности на страницах ведущих журналов, текстов, свидетельствующих о конце «прекрасной эпохи» и начале нового времени, в котором больше нет места гламуру, нарциссическому самоутверждению, показной роскоши и глянцу, на место которых приходят другие качества. Эта новая «другая» архитектура только на первый взгляд является новой – на самом деле это архитектура второго плана, которая все это время развивалась в тени иконической архитектуры звезд, архитектура, которая сегодня становится востребованной и актуальной. Лишенная изысков, ненавязчивая, «тихая», незаметная и простая архитектура периферии открывает глубину настоящего архитектурного развития за пределами верхнего «звездного» слоя, демонстрируя, что за эффектной оберткой глобализма

Рис. 1. Джон Поусон. Каза делле Боттере, Тревизо, Италия, 2011 [7]

существует обыкновенная жизнь с ее естественной скоростью, жизнь, которая не стремится быть частью глобального потока, но наоборот противостоит ему своей органичной неспешностью. Эта «негромкая» архитектура ничего не означает и не стремится ничего означать кроме себя самой – архитектуры с ее традиционными качествами и отсутствием какой-либо замысловатости, архитектуры, произрастающей из существующей реальной ситуации и ресурсов – не больше и не меньше. Через определения, географию, типологию можно попытаться очертить это архитектурное поле и взглянуть на общее и особенное в его различных источниках и проявлениях.

Если попытаться описать эту архитектуру в терминах определений, то мы увидим, что их диапазон в современной критике варьируется от минимализма до нового реализма, наиболее часто включая такие определения, как неопрагматизм и неорационализм. Эти синонимичные определения, которых сами архитекторы часто избегают, демонстрируют очевидное общее качество – простоту. Архитектура простоты является абсолютной противоположностью архитектуры сложности и противоречий. Сами определения демонстрируют различные стороны самого явления и различные уровни артикуляции простоты: от обусловленного политической и экономической ситуацией аскетизма до почти эстетической рафинированности, тем не менее удерживающейся от примитивной манифестации простоты как элементарной эстетики.

Текст Витторио Греготти о простоте в архитектуре двадцатилетней давности кажется написанным

сегодня. Не услышанный двадцать лет назад, он приобретает сегодня особенную актуальность. Греготти в 1996 (!) году определяет современный ему период как время «шума, времена эксгибиционистской избыточности коммуникаций», еще не представляя, до какой степени постоянный шум и сверхкоммуникативность станут повседневной средой нашего существования, вольются в индивидуальный мир каждого, прочно привязывая индивидуума к одной общей глобальной сети с ее главным законом – постоянной вседоступностью и дефицитом частного, закрытого, автономного пространства. Простота в архитектуре представляется ему «результатом восстановления линейной дедукции», возвращением ясности, «необходимого внутреннего ордера». Простота, считает Греготти «может быть достигнута через величайшее усилие, но она никогда не является начальной точкой» [1]. И, что самое важное, пророчески увиденное архитектором: «Простота здания, более того, имеет дело с тишиной. Она является созданием паузы в суматохе, суеде языка; она идентифицирует расхождение смысла среди знаков; она появляется как гордая фиксация бесконечных серий сомнений, тестов, подчистки, опытов; она является переписыванием мира, который мы всегда знали», это «новая жизнь, которая принимает благородную форму памяти». В сегодняшнем мире, где перевернуты с ног на голову понятия стабильности и устойчивости, стабильной является возрастающая интенсивность информационного и коммуникативного потоков, само существование человека все больше определяется новой социальной формой – прекариатом [2], растущим классом,

порожденным либеральной рыночной экономикой, объединяющим людей с различным происхождением и уровнем образования – от гастарбайтеров до фрилансеров, – с отсутствием постоянной занятости. Как следствие, прекариат испытывает повышенные чувства оторванности, отчужденности, нестабильности. В таком мироощущении архитектура простоты выражает призрачную надежду обрести основание и устойчивость.

Глобальная «звездная» архитектура была прямым и закономерным результатом мышления, которое точно было определено Ханной Арендт в работе «Истоки тоталитаризма»: «Человек XX в. точно так же освободил себя от природы, как человек XVIII в. – от истории. История и природа стали равно чужды нам в том смысле, что сущность человека больше не может быть схвачена ни в одной из этих категорий» [3]. Архитектурные результаты такого мышления доказывали эту намеренную референцию архитектуры к урбанистическому окружению, в котором нет места ни природе, ни истории – так была сформирована архитектура современных метрополий. В процессе ее становления архитектура превратилась в самореферлируемую дисциплину, утратившую связь с природой, производящую внешнее формальное разнообразие, которое со временем все больше становилось единообразным, устанавливающим не территориальное и географическое родство, но корпоративную общность, основанную на логотипическом повторении. Манхэттенизм и архитектура боксов, арены и сетевые мегамоллы – эти объекты превратились в стандартный урбанистический набор глобальной рыночной структуры, как две тысячи лет назад по всей Европе чертились анонимные урбанистические сетки и

устанавливались Колизеи и Базилики, благополучно заброшенные незамедлительно сразу после падения империи. Трудно сказать, ждет ли все эти структуры похожая судьба, но уже очевидно, что часть их уже сегодня становится призраками на тех территориях, что первыми испытали на себе экономический кризис. И, как и две тысячи лет назад, после падения Римской империи, зарождение новой жизни было непосредственно связано не с имперскими метрополиями и узлами имперской урбанистической сети, но с периферией, на которой в тишине и вдали от главных коммуникаций появлялась архитектура, очищенная от внешних смыслов, заключающая в себе только те, что априори существуют в ней самой.

Сегодня география архитектуры простоты демонстрирует свое явное смещение, которое очевидно не только в самих странах (Голландия и Испания, например, являются странами, где были созданы европейские школы архитектурного глобализма, и сегодня остаются вне новой программы простоты), при всем их парадоксальном экономическом неравенстве, но и в ситуационных планах: это архитектура рядовых улиц, окраин, пригородов и сельских ландшафтов. Это архитектура дистанцированности, которая, кажется, стремится избежать любых столкновений с метрополиями и глобальными сетями, отгородить себя от любого сиюминутного контекста, неважно – политического или художественного.

Не случайно, одним из первых авторов этой архитектуры является англичанин Джон Поусон, автор «Минимума», в котором он определил свои архитектурные приоритеты: «серии пространственных тем массы, структуры, ритуала, ландшафта, ордера, сдерживания, повторения, объема,

Рис. 2. Джон Поусон. Сценография спектакля *L'Anatomie de la Sensation*, Опера Бастилия, Париж, 2011 [7]

Рис.3. Джон Поусон. *Монтаук Хауз*, Лонг-Айленд, Нью-Йорк, 2013 [7]

Рис. 4. Аннет Гигон и Майк Гайер. Фонд Маргерит Арп, Локарно, Швейцария, 2014 [8]

Рис. 5. Аннет Гигон и Майк Гайер. Галерея Хенце и Кеттнер, Вихтрах, Швейцария, 2004 [8]

сущности и выражения» [4]. Островной характер Британии, традиционно сохраняющей свою географическую и ментальную квазиавтономию, выразился во внимании к архитектуре простоты. «Я не был готов, чтобы стать популярным как минималист», – говорит архитектор [5] в ответ на стремление критиков поставить его в рамки искусственных классификаций, трендов и теорий. Все его объекты, разбросанные по миру, – сценография, интерьеры, частные дома – являются иллюстрациями к тексту Греготти: «Простое здание основывается ... на принципе поселения ... включая связь с землей и географией, которая представляет свою историю во всех ее частях и связывает сама себя прямо с принципами собственного синтеза» [6]. Удивительно, насколько точно Поусон обнаруживает эту связь с географией в совершенно различных частях света, выражая это почти неуловимое и все же абсолютно артикулированное качество, ограниченными средствами добываясь максимума выражения.

Его постройка в Венето, земле Палладио и Скарпа – Каза делле Боттере – поражает своей

одновременной укорененностью в территории и ее новой архитектурной интерпретацией, дополняющей архитектуру великих предшественников новым звучанием. Не нарушить, не сказать лишнего и может быть даже почти промолчать, но так, что молчание становится красноречивее любых слов, – вот качества истинного великого искусства архитектуры.

Искусство молчания в эпоху шума трудно переоценить. Архитектура Поусона разрешает противоречие между модернистской, традиционной и классической архитектурой – все это уже давно история, и все в лучших своих образцах основано на вечных архитектурных категориях – объеме, пропорциях, ритме, плане, массе, пространстве, светотени. Архитектор доказывает, что в архитектуре сегодня важны не сами противоречия, а гармония – как хрупкий и живой баланс противоречий. Это тоже британская традиция: британцам всегда удавалось сохранять равновесие между традицией и прогрессом, благодаря территории, диктующей компромиссы, как это произошло, например, в разрушенном войной Сити, где

Рис. 6. Аннет Гигон и Майк Гайер. Музей Линер, Аппенцелль, Швейцария, 1998 [8]

Рис. 7. Аннет Гигон и Майк Гайер. Жилой дом, Кильхберг, Швейцария, 1996 [8]

Рис. 8. Эдуардо Соуто де Моура. Дом в Бон-Жезус, Брага, Португалия, 1994 (фото: dezeen.com)

Рис. 9. Эдуардо Соуто де Моура. Дом в Серра-да-Аррабида, Португалия, 2002 (фото: domusweb.it)

историческая плотность абсорбировала все модернистские послевоенные интервенции.

Другими важными географическими точками месторождения архитектуры второго плана стали две страны, заметно расходящиеся в своем экономическом благосостоянии: процветающая Швейцария и аутсайдер Евросоюза Португалия. Архитектура Швейцарии обязана своими пристрастиями к традиционному нейтралитету архитектурного языка своему политическому нейтралитету, обусловленному, прежде всего, историей и географией. Эта страна дала миру главного архитектора XX столетия Ле Корбюзье с его универсальным языком современной архитектуры и концепцией «пуризма», предшествующей современной архитектуре простоты. Но сегодня речь не о нем – настоящий текст просто не способен вместить все аспекты явления, и не о признанных мировых «звездах» Герцоге и де Мероне, Цумторе. Архитектура последних вряд ли подходит под определение архитектуры простоты, хотя вполне укладывается в рамки эстетики минимализма и феноменологии. Простота – это все же о другом. Минимализм сам по себе предполагает знаковый архитектурный жест, архитектура простоты избегает любой жестикюляции.

Швейцарцы Аннет Гигон и Майк Гайер, кажется, нашли этот способ выражения – без жестов, без слов, без значений. В их объектах – жилых комплексах, частных виллах, административных зданиях нет намеренной эстетики, как в работах их всемирно прославленных соотечественников, и именно этим отсутствием их архитектура и привлекает внимание. На грани с аскетизмом, эта архитектура работает на нюансе – расположение окон, легкое движение объемов, поворот, цвет или погружение в природный контекст вплоть до растворения, – она следует природе мимолетности, естественной подвижности форм, которая ни в коем случае не выходит за рамки устойчивости, но наоборот, кажется, подтверждает надежность зданий тем, что эта подвижность заложена в основе самой тектоники. Все среднее, умеренное и соразмерное – этажность, движение, материал, – все *moderato* и *andante*, если перевести их архитектуру на язык музыкальных темпов. Все спокойно, равномерно, но никогда не скучно – потому что действительно музыкально. Повседневность? – да, рутина? – нет. Скорее осознанное и глубокое проживание жизни с любовью к ее естественным ритуалам и, не закрываясь от мира, сохранение самодостаточности. Подвижность и определяет

Рис. 10. Эдуардо Соуто де Моура. Музей Паулы Рего, Кашкайш, Португалия, 2009 (archdaily.com)

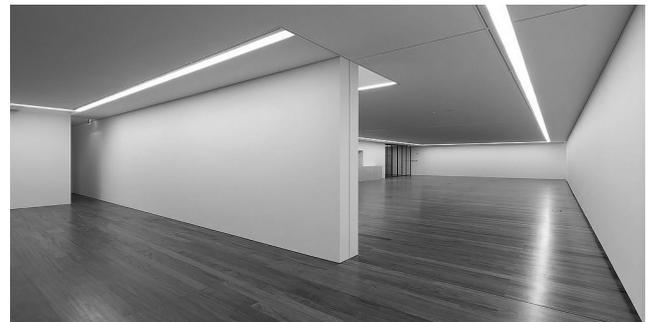

Рис. 11. Эдуардо Соуто де Моура. Культурный центр Мигела Торра, Саброза, Португалия, 2011 (фото: archdaily.com)

Рис. 12. Жоао Луис Каррильо Да Граса. Археологический участок в Каителу-де-Сан-Хорхе, Португалия, 2010 (фото: archdaily.com)

Рис. 13. Жоао Луис Каррильо Да Граса. Школа музыки, Лиссабон, Португалия, 2008 (фото: archdaily.com)

дыхание жизни, которое в случае симметрии сделало бы их объектами тяжеловесными, знаковыми и грубыми. Как у Греготти: «В простоте не должно быть ничего предустановленного, ничего неподвижного. Вместо этого все должно быть сбалансированным, соразмерным, осуществляя взаимоотношения между моментами, витальной организацией, загадочной прозрачностью» [6].

Итальянец Пьер Витторио Аурели является страстным критиком современного капитализма и проповедником аскетизма в архитектуре сегодня [9]. Его генезис – Венецианская школа, Манфредо Тафури, Альдо Росси. Аскетизм, считает Аурели, является вынужденной реальностью, которую мы должны принять как факт. Нет смысла закрывать глаза на растущее социальное неравенство и будущее, обусловленное этим неравенством. В таких условиях лозунг Миса ван дер Роэ «Меньше – это больше» становится бессмысленным и эстетским, поскольку «меньше» – неизбежная реальность, которая не нуждается в эстетизации и

архитектурной манифестации. Архитектор говорит, что «аскеза позволяет человеку очертить границы необходимого. Понимание рождается благодаря погружению внутрь себя, структурированию своей жизни в соответствии с этими ощущениями, а не в результате подчинения господствующему мнению» [10]. Выход, который предлагает Аурели, заключается в том, чтобы через аскезу очиститься от всего ненужного, излишнего, избыточного и установить в определенном смысле пределы архитектуры, которые позволяют ей оставаться таковой, не переходя к упрощенчеству и не теряя сущность искусства архитектуры: «Аскетизм, таким образом, это возможность вернуть себе хорошую жизнь и вместе с ней надежду, что мы можем жить – и жить лучше – довольствуясь меньшим... когда мы сможем избавиться от этой идеологической нагрузки, «меньше» может стать стартовой точкой альтернативного образа жизни, независимого от ложных нужд рынка... говорить, что «меньше – это достаточно» – значит не поддаваться

Рис. 14. Жоао Луис Каррильо Да Граса. Публичная библиотека, Тавира, Португалия, 2001 (фото: iduna.pt)

Рис. 15. Жоао Луис Каррильо Да Граса. Пешеходный мост, Виламура, Португалия, 2011 (фото: divisare.com)

шантажу кредитной экономики...но этот образ жизни необходимо развивать не через утопические надежды, а через концентрацию на нас самих, через попытки заново осознать нашу жизнь, начиная с самых простых повседневных практик» [10]. В Италии была сильная художественная традиция Арте Повера – «Бедного искусства». Отголоски этой традиции, так же как и итальянского кинематографа неореализма, звучат в рассуждениях Аурели. К какой архитектуре это приведет в Италии, пока сказать трудно. Все последние объекты в мировых новостях были связаны с глобальной архитектурой. Кризис, кажется, остановил любое строительство, за исключением дизайна интерьеров и реставрации. Но очевидно, что возвращение к Венецианской школе и ее идеологии является неизбежным.

То, что пропагандирует итальянец Аурели, на самом деле уже реализовано и реализуется в Португалии без манифестов и громких заявлений. В этой стране не нужно было призывать к аскетизму – португальцы даже в эпоху всеобщего европейского благосостояния оставались на обочине всех благ современного капитализма. Странно выглядели фотографии Дома музыки Рема Коолхааса в Порто на фоне трущоб, окружающих маленькую площадь. Но не Коолхаас определил современное архитектурное развитие Португалии. Вслед за классиком Алваро Сиза в Португалии появились Эдуардо Соуто де Моура и Жоао Луис Каррильо Да Граса.

«Меня раздражает использование термина «минимализм». Люди говорят, что минимализм подходит для очищения и ментального здоровья, чтобы уйти от постмодернизма. Но правда в том, что они превратили его в стиль, серию причуд, нечто, не имеющее сущности. Многие архитекторы создают «бюкс», красят его белым, и они говорят, что это является минималистичным. И я нахожу это невыносимым. Не существует универсальных языков, так же как не существует универсальных мест; существует только «адаптация». Это одно из моих любимых слов, поскольку архитектура – это проблема адаптации» [11]. В этой длинной для небольшой статьи цитате Соуто де Моура, которую не хочется, да и невозможно сокращать, выражена честная позиция архитектуры простоты. Можно вновь вернуться к важной мысли Греготти о том, что простота – это результат проектного процесса, но не его начало.

Невозможно задать простоту, но ее можно получить посредством художественного процесса отбора. В «архитектуре бюкса» нет отбора, но есть

жест. В архитектуре простоты все – результат тщательного и длительного отбора и в ней нет места случайным или произвольным жестам. Отбор означает, что остается только главное, жизненно необходимое. Но не стоит забывать, что это главное и жизненно необходимое искусство архитектуры. Все, что существует в остатке после тщательного художественного отбора, – это высочайшая концентрация мысли и формы, это истинная поэзия. Источником вдохновения такой поэзии служит «территория или ландшафт, со своей специальной структурой или качествами ... в широком смысле: с погодой, с движением солнца, посевами и природной растительностью, с ее зданиями и культурой людей, которые используют это пространство» [12].

«Я заинтересован в потребности искать наши корни, основную сущность, что движет нами. Настолько, что я всегда пытался построить гипотезу предшествующей гармонии», – говорит Жоао Луис Каррильо Да Граса [12]. Архитектор создал объект, который, возможно, является наиболее сильным доказательством того, что архитектура XXI в. (объект построен в 2010) находит свой выход из тупика XX в. описанного Ханной Арендт. Археологический участок в Каштелу-де-Сан-Хорхе вызвал к жизни главные пути возрождения человеческого гуманизма.

История, природа, архитектура – все главное, ничего лишнего, ничего случайного. Нет никакого надуманного заигрывания с историей и окружением. Нет вообще никаких игр. Есть реальность, и в этой реальности рождается великая поэзия архитектуры, которая, обращаясь к истории и природе, способна создать свое собственное поэтическое выражение, настолько молчаливое, насколько пронзительное и выразительное своим уважительным молчанием, в котором сказано все лучшее о человеке и о том, что есть в человеке. Если аскетизм по Аурели является необходимым условием определения главного, то здесь это выражено лучшим образом. В отличие от архетипов, лишенных контекста, а существующих независимо, абстрактно и абсолютно, новая архитектура простоты сегодня представляет собой квинтэссенцию духа места, априори гармоничного и теперь возрождающегося благодаря заново установленной гармонии.

В своей последней лекции великий Борис Дубин сказал: «Культура, даже если она обращена назад к прошлому, к архаике, к археологии, к древности и так далее, всегда исходит из будущего. Будущее – обязательное измерение

культуры современного общества. Культура в современном обществе питается будущим. Она питает будущее и питается им» [13]. Если новая архитектура, исповедующая простоту как результат художественного отбора, архитектура, обращенная к территории, ее истории и природе, архитектура, создающая живое равновесие и живую гармонию, архитектура, которая уже является нашим настоящим, станет нашим будущим, то мы можем быть спокойны за человечество. Нашу надежду и веру в светлое будущее питают кадры всех этих объектов – в каждом из них, независимо один от другого, существует один и тот же постоянно повторяющийся взгляд. Этот взгляд всегда обращен на территорию – не в космос, не на новые технологии, но исключительно на территорию, на землю вокруг, и кажется, что все эти объекты построены ради одной единственной цели – чтобы дать возможность этому взгляду – взгляду на реальный мир непобедимой человеком и неизменной природы вокруг нас. Как известно, лучшее будущее – это такое будущее, которое ты проектируешь сам. Это также справедливо и для архитектуры.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Gregotti V. On Simplicity // *Introducing Architectural Theory: Debating a Discipline* paperback / ed. K. Smith. Routledge, 2012. Pp. 32-33.
2. Стэндинг Г. Прекариат. Новый опасный класс. М.: Ад Маргинем, 2014.
3. Арндт Х. Истоки тоталитаризма. М.: Центр-Ком, 1996. 399 с.
4. Pawson J. *Minimum*. Phaidon Press, 2006. 25 с.
5. Pawson J. 2006 -2011 / Madrid: El Croquis, 2011. 13 p.
6. Gregotti V. On Simplicity. P. 33-34.
7. John Pawson – Selected. URL: <http://johnpawson.com/>
8. gigon-guyer.ch URL: <http://www.gigon-guyer.ch/en/home/>
9. Аурели П.В. Меньше – значит достаточно: об архитектуре и аскетизме. М.: Институт медиа, архитектуры и дизайна «Стрелка», 2013.
10. Аурели П.В. Аскеза позволяет человеку очертить границы необходимого». Теория и практика [Электронный ресурс]: URL: <http://theoryandpractice.ru/posts/7709-askeza> (дата обращения: 27.04.2015).
11. Souta De Moura E. 2005 -2009 / Madrid: El Croquis, 2009. 19p.
12. Carrilho Da Graca J.L. 2002 -2013 / Madrid: El Croquis, 2014. P.23-25.
13. Дубин Б. В. Что такое будущее / Фонд Егора Гайдара [Электронный ресурс] URL: <http://summer.gaidarfund.ru/articles/2062#article-tab-2> (дата обращения: 27.04.2015).

Для ссылок: Данилова Э.В. Архитектура простоты – архитектура будущего? // *Innovative project*. 2016. Т.1, №3. С. 44-51.

DOI: 10.17673/IP.2016.1.03.9

For references: Danilova E. V. The architecture of simplicity - the architecture of the future? // *Innovative project*. 2016. Vol.1, №3. P. 44-51.

DOI: 10.17673/IP.2016.1.03.9